

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 8

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-113-123

Дата поступления: 01.02.2023
принятия: 20.03.2023

М. Шмитц-Эманс
Рурский университет,
г. Бохум, Германия
E-mail: monika.schmitz-emans@rub.de
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4520-0471>

К вопросу о семантике границы и формах разграничений*

Аннотация: в статье исследуется происхождение и трансформации понятия «граница», показывается проблематичность его определения. Дается исторический обзор изменения семантики слова «граница» в немецком языке, исследуется история понятия. Показывается, что акт разграничения есть исток философского размышления в Античности и научного – в эпоху Нового времени. Исследуется трансформация философской семантики понятия границы от Античности до наших дней. Отдельное внимание уделяется культурологическим аспектам понятия границы.

Ключевые слова: граница; разграничение; безграничное и ограниченное; порядок; различие; различание; своё; чужое.

Цитирование: Шмитц-Эманс М. К вопросу о семантике границы и формах разграничений // Семiotic studies. 2023. Т. 3, № 1. С. 113–123. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-113-123>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шмитц-Эманс М., 2023 – почетный профессор Рурского университета, GA 3/132, 44801, Германия, Бохум, Университетская улица, 150.

© Перевод Нестеров А.Ю., 2023 – доктор философских наук, доцент, директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

M. Schmitz-Emans
Ruhr Universität
Bochum, Germany
E-mail: monika.schmitz-emans@rub.de
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4520-0471>

On the boundary semantics and differentiation forms**

Abstract: the article studies origin and transformation of the “boundary” notion, demonstrates the difficulty of its definition. The work provides a historical overview of “boundary” semantics change in German language, investigates the notion history. The author shows the differentiation act to be a source of the philosophical thought in Antiquity, and a source of the scientific one in Modern time. The article investigates the transformation of the “boundary” philosophical semantics from the Antiquity to the present days. Special attention is devoted to “boundary” cultural aspects.

Key words: boundary; differentiation; boundless and bounded; order; distinction; различание; own; other’s.

Citation: Schmitz-Emans, M. (2023), On the boundary semantics and differentiation forms, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 1, pp. 113–123, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-113-123>.

Information about conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Schmitz-Emans M., 2023 – Professor emeritus, Ruhr Universität Bochum, GA 3/132, 150, Universitätsstraße, Bochum, 44801, Germany.

© Translation Nesterov A.Yu., 2023 – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Humanities, Head of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

* Впервые статья опубликована в сборнике «Поэтика рамы и порога: функциональные формы границы в художественных языках. Научн. ред. Н.Т. Рымарь. Самара: Издательство «Самарский университет», 2006». Статья печатается с разрешения редакции сборника для расширения читательской аудитории.

** The article was first published in *Pojetika ramy i poroga: funkcional'nye formy granicy v hudozhestvennyh jazykah, Frame and threshold poetics: boundary functional forms in artistic languages*. N.T. Rymar (ed.), Samara: “Samara University”, 2006. The article is being published with the collection editor's consent in order to expand the readership.

Введение

О границах речь идёт во всех без исключения научных и вненаучных дискурсах, все области человеческой культуры и деятельности опираются на разграничения. Но что содержит в себе понятие границы? Именно слово «граница» вызывает, кроме прочего, на то, чтобы задать вопрос о границе (!) между буквальным и метафорическим языковым употреблением. В словаре Гримма, перечисляющем множество способов употребления, указывается на неизбежную диффузию, т.е. на отграничение (!) значений: «Необычно большое число вербальных связей, в которых появляется граница, показывает сильную размытость различных значений, даже внутри данной формулировки, и в особенности – при несобственном употреблении»¹.

Что связывает разнообразные «границы» между языками, странами, культурами и эпохами, между понятиями и значениями, между дискурсами и дисциплинами? «Не должны ли мы, – спрашивает Бернхард Вальденфельс, – различать между идеальными границами и границами реальными, которые, в свою очередь, опять же могут быть предзаданными природой или созданными искусственно? (...) что общего, за исключением расцветающей здесь пространственной метафоры, имеют политические границы земель с берегами рек или звериными территориями, стены тюрьмы со стенками шкафа, что общего, в конце концов, всё это имеет с границами понятий, содержаниями понятий или с юридическим процессом дисквалификации?»²

Изначальная зависимость мышления и понятийного аппарата от пространственных представлений является показательной в случае дискурса о «границах». В связи с этим Вальденфельс подчёркивает проблему дифференцирования собственного и несобственного языкового употребления³. *То, что «граница» значит, нельзя определить. Однако можно реконструировать, в каком смысле в движении истории шла речь о границах.*

1. К исторической семантике слова «граница»

У понятия границы интересная история; связанные с ним представления претерпели значительную, исторически обусловленную и исторически действенную дискурсивную трансформацию.

Выражение «граница» [Grenze] было образовано как заимствование славянского слова «granica». (Займствованное слово происходит, как показывает Ганс Медик в уточнении данных словаря Гримм

ма, не из польского, но из языка поморян)⁴. В немецкий язык оно было интегрировано в процессе движения на восток немецких колонизаторов⁵. Имелось в виду маркирование отношений собственности. Говорящие о границах менее всего думали о линии разграничения как о местности, внутри которой осуществляется отграничение. Границы протягиваются там, где смешивается различное, с помощью маркировки реагируют на угрожающую диффузию: так возникают эта сторона и та сторона границы. Обе, эта сторона и та сторона, вместе конституируют область границы.

Аналогично обстоит дело со словом «марка» [Mark]. Исходно оно замещало маркирование конкретной границы, своего рода столб, с помощью которого обозначались отношения собственности, потом оно стало именем самой маркированной границы, границы между землями и даже именем внешних районов царства. Вплоть до сегодняшнего дня это слышно в таких именах, как «Марк Бранденбург»⁶. Под «общинными угодьями» [Gemarkung] в немецком языке понимается район. (А в Бохуме, как и во многих других городах, есть район «Марк».)

Распространением слова «граница» [Gren(t)ze] немецкий язык обязан прежде всего Мартину Лютеру. Он также понимал под ним пограничную область. В 18-м в., согласно словарю Гримма, произошло два важных семантических обогащения:

- Во-первых, выражение «граница» постепенно темпорализовалось, пространственные представления ограниченности стали переносить на концепты измеренного времени.

- Во-вторых, выражение «граница» превратилось в абстрактное понятие, получившее устойчивое место прежде всего в философском дискурсе. С тех пор слово «граница» вместе со своими производными принадлежит тому же семантическому горизонту, что и «барьер», «завершение», «цель и «конец»⁷.

Несмотря на такое расширение и перенос значения сохранились следы более ранних коннотаций. Если в употреблении слова «граница» на ранних этапах его распространения в немецком языке имплицитно содержалось представление о зна-

⁴ Hans Medick: Grenzziehungen und die Herstellung des politisch-sozialen Raumes. Zur Begriffsgeschichte der Grenzen in der Frühen Neuzeit. In: Richard Faber, Barbara Naumann (Hg.): Literatur der Grenze - Theorie der Grenze. Würzburg (K&N) 1995. С. 211-224, здесь С. 217. Cp. Jacob und Wilhelm Grimm: Deutsches Wörterbuch. 1854ff. IV. Bd., 1. Abt, 6. Teil, Art. „grenze“, bearb. v. A. Hübner und H. Neumann 1935, Sp. 124ff.

⁵ Cp. Rüdiger Zill: Der Vertrag des Zeichners. Wittgensteins Denken im Kontext der Metaphertheorie. (http://www.momoberlin.de/Zill_Wittgenstein.html, abgerufen: 16.6.05), С. 7f.

⁶ Grimm/Grimm 1854ff.: VI. Bd., Art. „mark“, bearb. v. Moritz Heyne. 1885. Sp. 1633ff.

⁷ Cp. Grimm/Grimm: 1854ff., Art. „grenze“, Sp. 132, Sp. 134-135.

¹ Grimm/Grimm: 1854ff., Art. „grenze“, Sp. 132, Sp. 138.

² Bernhard Waldenfels, Der Stachel des Fremden, 2. Aufl. Frankfurt/M 1991 (zuerst 1990), С. 36f.

³ Waldenfels, Der Stachel des Fremden, С. 37.

комстве с обеими отграниченными друг от друга территориями, то именно этот старый смысл «границы» ещё звучит у Людвиг Виттгенштейна: он говорит, для акта разграничения необходимо требуется знание об «обеих сторонах этой границы» (Логико-философский трактат)⁸.

Философы, например, Адорно и Блуменберг, подвергли это замечание Виттгенштейна критике. Их возражения объяснимы, по Рюдигерю Циллю, в качестве следствия упомянутой семантической трансформации. Поскольку в модернизме «границы» мыслятся большей частью не с двух сторон, но – в смысле отграничения и выделения [Ab- und Ausgrenzung] – только с одной стороны и одновременно «изнутри», постольку философия ничего не может сказать о «другой стороне» понятийно-го и тем самым тезис Виттгенштейна не является собственно философским тезисом.

Исторически первичное значение «границ» – в смысле отграничения и выделения – является определяющим в том числе и для Канта. Оно восходит к пониманию «границы» как синонима для „frontier“ или „frontière“, т.е. для слова, семантически и этимологически родственного немецкому «фронт, [Front]». Его основное значение – не «двусторонность», но момент противопоставления собственного и чужого (т.е. “позиция конфронтации”, [Frontstellung]⁹).

Связанное длительное время со словом «граница» (и ещё звучащее у Виттгенштейна) представление о «двусторонности» сменяется представлением о «фронте». Это не является исторической случайностью. В исторически изменяющейся семантике слова «граница» в немецком языковом пространстве отражается, поскольку речь идёт о пространственных границах, трансформация в кодировании как самих ограниченных территорий, так и в обращении с ними.

⁸ Ludwig Wittgenstein: Tractatus logico-philosophicus. Logisch-philosophische Abhandlung. Frankf./M. 1963, Vorwort, С. 7. Характеризуя трактат, Виттгенштейн пишет: «Весь смысл книги можно выразить приблизительно в следующих словах: то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, а о чем невозможно говорить, о том следует молчать. Следовательно, книга хочет поставить границу мышлению, или скорее не мышлению, а выражению мыслей, так как для того, чтобы поставить границу мышлению, мы должны были бы мыслить обе стороны этой границы (следовательно, мы должны были бы быть способными мыслить то, что не может быть мыслимо). Эту границу можно поэтому установить только в языке, и все, что лежит по ту сторону границы, будет просто бессмыслицей». (Tract, С. 7, русский перевод приведён по изданию 1958 г.)

⁹ Zill, С. 8: „Frontier“ – это граница, за которой пусть даже и не находится, но должно находиться враждебное, неизвестно чуждое, фобическое. „Frontier“ обозначает нечто, иное которого не известно. „Frontier“ – это нечто, обладающее этим характером, но постоянно сдвигающееся. Неизвестное пространство включается в своё [Diesseits]. Иное [Jenseits] постоянно вытесняется». Ср. Zill, S. 8/9.

Наблюдаемая с 18-го в. популяризация семантического поля вокруг «границы» связана с *территориализацией мышления*. Это находит своё конкретное выражение в истории европейских государств и в их новых самоидентификациях [Selbstausslegung]¹⁰. Росло политическое значение границ между странами; понятие границы политизировалось¹¹; связанный со словом «граница» пространственный образ модифицировался: он мыслился уже не в виде пространства смешения и перехода, но в виде чётко очерченных разделяющих линий¹². Начиная с позднего 18-го в. вследствие политической конфронтации между постреволюционной наполеоновской Францией и другими государствами понятие границы нагружается новыми значениями: Из изначально пространственного концепта оно становится *понятием националистической борьбы, содержащим внутренние моральные оценки*¹³.

Сравнение истории концепта «граница» в немецком языке и аналогичной истории сходного французского концепта «frontière» при всей общности в политической семантизации понятия границы показывает тем не менее характерные различия¹⁴. В немецком языковом пространстве дискурс о границах более отчётливо, нежели во французском, соединяется с дискурсом о культурном своеобразии и, в ещё большей степени, – о языковых различиях. В «Речах о немецкой нации» Фихте это соединение кульминируется в тезисе о том, что национально-государственные границы находятся в естественной взаимосвязи с языковыми пространствами¹⁵.

2. Мыслить границы: представления античности и Нового времени об ограниченном и безграничном

Рассуждать об исторической семантике «границ» – значит рассуждать об отграничениях

¹⁰ Ср. Medick, С. 217. Медик цитирует Фридриха Второго: «Деревня на границе имеет большую ценность, нежели княжество в 60 милях. (Medick, С. 217).

¹¹ Ср. Medick, С. 216.

¹² Ср. Grimm/Grimm, Art. „grenze“, Sp. 134, ср. Medick, С. 216.

¹³ Ср. В особенности Lucien Febvre: „Frontière“ - Wort und Bedeutung (1928). In: Lucien Febvre: Das Gewissen des Historikers. Berlin 1988. С. 27-38. С. 33: «Линия границы (limites) становится [с конца 18 века] своего рода рвом между чётко разделёнными национальностями. Кроме того, она становится моральной границей (frontière), быстро заполнявшейся ненавистью, стремлением к мести и ужасом, вызванными к жизни во Франции и за границей французской революцией» – Ср. также Medick, С. 215.

¹⁴ Ср. Medick, С. 217f., а также статью „grenze“ в Grimm/Grimm Sp. 134.

¹⁵ Ср. Medick, С. 218f. Медик цитирует «Речи к немецкой нации» Фихте (1808), в которых представлена идеология «внутренней» границы: люди одного языка естественным образом составляют для Фихте единое целое; иноязычное остаётся чужеродным телом. (Johann Gottlieb Fichte: Reden an die deutsche Nation. Hamburg 1978. С. 207).

разного рода, и не только в перспективе культуры, политики или истории понятий. Ведь и дефиниции являются формами разграничений¹⁶. «Сделать научную проблему продуктивной – значит превратить её пограничную проблему» (Франц Розенцвайг)¹⁷.

Научно-философское мышление начинается с разграничения¹⁸, а философское размышление в Европе, начиная уже с античности, означает определённое размышление о границах. Известно высказывание Парменида:

«Оставаясь тем же самым в том же самом (месте), оно покоится само по себе.

И в таком состоянии оно остаётся стойко (постоянно), ибо неодолима Анаanke

Держит (его) в оковах предела (границы), который его запирая-объемлет,

Потому что существу нельзя быть незаконченным.

Ибо оно не нуждается ни в чём,

¹⁶ Под де-финированием понимается ограничивание предмета или предметного содержания, т.е. определение его границ. Такое определение границ начинается с установления общности между тем, что должно быть различено. Взаимодействие между установлением общности и различением выражается в классических дефинициях *genus proximum* и *differentia specifica*. Ср. Norbert Wokart: *Differenzierungen des Begriffs der „Grenze“*. Zur Vielfalt eines scheinbar einfachen Begriffs. In: Richard Faber, Barbara Naumann (Hg.): *Literatur der Grenze - Theorie der Grenze*. Würzburg (K&N) 1995. С. 275-289, здесь 280f. - Ср. Wokart, С. 279: „(...) Поскольку исключение иного посредством границы – это включение всего того, что относится к делу, у границы есть и позитивная функция: она ограничивает и тем самым впервые конституирует идентифицируемое предметное содержание. (...) Граница – это логическое место, в котором и посредством которого различные вещи обладают общим интересом; ибо потому, что граница отделяет одно от другого, она соединяет одно с другим. Отграничить одну вещь от другой не означает отбросить другое, наоборот, это означает признать другое в качестве необходимого условия общей границы и тем самым конституэнты интендированной вещи¹⁶. Это значение другого, с которым имеется общая граница, для определения своего следует принимать во внимание прежде всего при определении человеческой идентичности. Ведь человек может гарантировать себе идентичность в качестве индивида или члена группы не иначе как через соотнесение с другими. (Wokart, С. 279) – В «Критике чистого разума» Кант подчинил разграничение классов качеству, как подчёркивает Вокарт «В своей функции определения вещи через ограничение граница является внутренним определением самой ограничиваемой вещи. Таким образом граница принадлежит к качеству того, что ограничено». (Wokart, С. 280)

¹⁷ Franz Rosenzweig: *Brief an Eugen Rodenstock*, 18. 10. 1917, in: Franz Rosenzweig: *Briefe*, hg. v. Edith Rosenzweig. Berlin 1935. С. 253.

¹⁸ Hermann Glockner: *Die europäische Philosophie von den Anfängen bis zur Gegenwart*. Stuttgart, 3. Aufl, 1968 (zuerst 1958), С. 14: «Научное суждение изымает устойчивое бытие из безостановочного движения действительного. Расставляются акценты, проводятся границы, образуются термины, возникают дефиниции».

А нуждайся, нуждалось бы во всём.

Одно и то же – мышление и то, о чём мыслит, Ибо без сущего, о котором она высказана, Тебе не найти мышления. Ибо нет и не будет ничего,

Кроме сущего («того, что есть»), так как Мойра приковала его

Быть целокупным и неподвижным. Поэтому (пустым) именем будет всё,

Что смертные установили (в языке), убеждённые в истинности этого:

«Рождаться и гибнуть», «Быть и не быть»,

«Менять место» и «изменять яркий цвет».

Но поскольку есть крайняя граница, оно закончено

Со всех сторон, похожее на глыбу совершенно-круглого Шара

Везде (= «в каждой точке») равносильное от центра, ибо нет нужды

Чтобы вот тут его было больше или меньше, чем вот там¹⁹.

Парменид устанавливает и подчёркивает, что познание опирается на различие. Сформулированная им истина (*aletheia*) «обладает за счёт собственной однозначности, – как гласит парафраз Германа Глокнера, – не только своей твёрдой границей, но и отграничивается за счёт неё от неопределённости туда-сюда колеблющегося мнения (*doxa*)»²⁰.

Неясно точное происхождение тезиса о бесконечном, об «апейроне», который приписывается Анаксимандру из Милета и маркирует возникновение [*Einsatz*] собственно европейской философии²¹; этот тезис подвергался критике различными более поздними античными философами. «[Основание существующих вещей – в безграничном. Но откуда возникновение у существующих вещей, в которое уходит и их исчезновение] по необходимости; потому что они дают друг другу право и наказание за несправедливость в соответствии с порядком времени»²². В интерпретациях Анаксимандра до сих

¹⁹ Fragment 8 (H. Diels/W. Kranz: *Die Fragmente der Vorsokratiker*. 1. Bd. Zürich/Berlin 1964), nach Glockner, С. 20. См. об этом Glockner, С. 19: «На место созерцания и течения приходит ряд утверждений, представляющих в своей совокупности единое бытие. Утверждаемое присоединяется к утверждаемому, бытие к бытию. (...) Парменид открыл не только «бытие в себе», но и тем самым ещё и «границу в себе». Он не только знал, что любое установление истины останавливает гераклитово течение, но и открыл, что всё зафиксированное должно быть ограниченным, а всё определённое – заключённым в себе бытием».

²⁰ Glockner, С. 20.

²¹ Понятие границы, как говорит Вокарт, начинает «свою философскую карьеру» с ударной силой молнии «во тьме рассвета мысли»: «(...) уже первые предложения европейской философии говорят о границе как о центральном понятии» и сразу во всеобщем смысле. (Wokart, С. 275).

²² H. Diels/W. Kranz: *Die Fragmente der Vorsokratiker*. 1. Bd. Zürich/Berlin 1964, С. 89. Взятые в скобки предложения, возможно, не являются аутентичными высказываниями Анаксимандра, но сформулированы в духе его философии.

пор существует разногласие во мнениях, особенно по вопросу, следует ли понимать апейрон как «неопределённое»²³ или как количественно безграничное²⁴.

Начиная с тезиса Анаксимандра об апейроне как основе всех вещей и их возникновении через деление, понятие границы является основным философским понятием. Во всяком случае оно с самого начала остаётся настолько неопределённым, что уже в античном мышлении получает ряд различных уточнений.

По наблюдению Аристотеля, о понятии [в русскоязычном издании – «о пределе», прим. перев.] «говорится в стольких же значениях, в скольких и о начале, и ещё больше»²⁵. То, что в греческом языке, как и в латыни есть множество семантически родственных соответствий понятию «граница» (*peras, horos, phragma* или *finis, limes, terminus*), тесно связано с этой многозначностью²⁶. Но дискурс о «границах» интересен не только поэтому. Всякое философствование о безграничном обладает парадоксальной чертой, если оно, будучи работой с понятиями и над понятиями нацелено на дистинкции. «(...) Ибо, с одной стороны, у апейрона не должно быть границ, с другой стороны, сама безграничность есть определение и тем самым – качественное ограничение (...) Тем самым Анаксимандр, говоря о безграничном, чувствует себя принуждённым говорить о нём как о чём-то ограниченном и через это – как о чём-то уже определённом»²⁷. Не в последнюю очередь именно эта причина лежит в основании вердикта пифагорейцев по поводу теорий апейрона; Филолай требует, чтобы «всё, что может быть познано», имело «число»²⁸.

В общем и целом для греческого мышления является исключением обращение Анаксимандра к апейрону, как бы тот ни трактовался, в количественном или в качественном смысле, т.е. как безразмерное или как неопределённое; хотя здесь речь

²³ Ср. статью „Grenze (Peras)“ в *Historisches Wörterbuch der Philosophie*, hg. v. Joachim Ritter. Bd. 3, Basel u. Darmstadt 1974, Sp. 873-877.

²⁴ Wokart, С. 286.

²⁵ Aristoteles, *Metaphysik*. V, 1022 a.

²⁶ Как устанавливает Вокарт для аналогичной ситуации в новоевропейских языках, отсутствие общего определения «границы» нельзя воспринимать в качестве дефицита (Wokart 277). Философские лексиконы и словари предлагают различные и в общем не слишком основательные введения в понятие, если они вообще его затрагивают. (Следует согласиться с замечанием Вокарта по поводу того, что Словарь истории философии – *Das Historische Wörterbuch der Philosophie*, Bd. 3, Basel/Stuttgart 1974, Sp. 873-875 und 875-877, – лишь частично раскрывает историю понятия, не разъясняя её взаимосвязи.) В любом случае разъяснения по поводу понятийной пары бесконечное/конечное можно рассматривать как комплементарные по отношению к паре апейрон/граница.

²⁷ Wokart, С. 281.

²⁸ Diels/Kranz, *Die Fragmente der Vorsokratiker*, С. 408.

идёт скорее об ограниченном, о числе, мере, форме и понятии, чем о бесформенном и непонятном²⁹.

Античная философия природы посвящает себя преимущественно размышлениям об ограниченном, о делимости вещей и о вопросе об элементарных, отграниченных друг от друга составляющих материальных вещей. Бытие и ограниченность [*Sein und Begrenztsein*] рассматриваются как коррелятивные. В четырёх местах дидактического стихотворения Лукреция «*De rerum natura*» встречаются следующие строки: „*nam quodcumque suis mutandum finibus exit, / continuo hoc mors est illius quod fuit ante.*“ (Но что однажды изменённым выйдет из своих границ, / умрёт в этот самый момент как то, чем оно раньше было»)³⁰.

Аристотель определяет границу как «то первое, вне которого нельзя найти ни одной его части, и то первое, внутри которого находятся все его части»³¹. Проблема, вытекающая из идеи бесконечной делимости всего телесного, решается им посредством понятийного разграничения того, что может быть фактически познано, и чисто потенциального³².

Разница в установках по отношению к ограниченному или неограниченному позволяет

²⁹ Ср. Wokart, С. 281f. Именно в пифагорейском мышлении выражается предрасположенность к ограниченному.

³⁰ Glockner, С. 245.

³¹ Aristoteles, *Metaphysik* V, 1022 a. – Относительно соразмерного замечания Гегеля «Конец одного там, где начало другого» (G.W.F. Hegel, *Philosophie der Religion*. Werkausgabe. Frankf./M. 19??, Bd. 16, Frankf./M. 1969, S. 167), Вокарт показывает, сколь важные импликации стоят за этим само собой разумеющимся и педантичным утверждением: «Во-первых, границы между различными вещами не различны, (...) скорее это одна граница или граница как одного, так и другого (...) Во-вторых, именно за счёт того, она одна между ограниченными вещами, граница обладает двумя различными функциями: с одной стороны, одна включает то, что относится к соответствующей вещи, и с другой стороны, она исключает то, что к ней не относится». (Wokart, С. 279).

³² Ср. Вокарт об Аристотеле: «Он ни в коем случае не выводил из не подлежащей отрицанию бесконечной делимости всего материального фактического растворения в ничто, но подчёркивал, что хотя везде и всегда существует возможность деления, опыт учит нас, а Демокрит подтверждает, что никакое сущее никогда не распадается в ничто» (137f.). «Во всём материальном такую «границу» можно не только позитивно установить, но даже необходимо мыслить всё пространственное и временное в качестве отделённого и отличённого от большего целого путём рассечений (*Tmeta*). Такое рассечение должно быть возможно внутри любого тела, любой части пространства, любого временного отрезка, т.е. в бесконечном количестве точек или мст. Но из этой «возможности» нельзя сделать вывод, что структура так называемого чувственного мира фактически состоит из бесконечного числа точек рассечения или границ (...). (138) «Повсеместный опыт учит (...), что не только каждое утверждение, уточнение, детерминирование и дефиниция опираются на ограничение, но и все они становятся действительными лишь благодаря актуализации возможностей определения. Чистая потенциальность не могла бы существовать только для себя; она понятна лишь как «материал», так и граница нуждается в «чём-то», чтобы быть фактически актуализированной в качестве в качестве установления границы». (139)

разграничить античное и *средневековое* мышление. Здесь эта тема может быть лишь намечена. В христианском дискурсе на ведущую античную дифференцию между апейроном и ограниченным наслаивается, сменяя её, дифференция между бесконечным и конечным; бесконечное повышает свой статус до атрибута бога, конечное служит атрибутом творения и обосновывает, в частности, неполноценность человека по отношению к богу³³. Согласно Августину, хотя бы человеческое сердце с тоской обращено к божественному и способно таким образом в представлении трансцендировать конечное земное пространство, которому принадлежит человек как природное существо. Это пересечение границы сравнимо со зрением и слухом как выходами вовне из телесного расположения³⁴.

Новое время с помощью секуляризованной версии вновь заменяет теолого-метафизическую семантику дифференцией между конечным и бесконечным: ответственной за бесконечное, как и за ограничения, за измерения ограниченного является математика³⁵. Бесконечно малые становятся новым вызовом искусству исчисления.

Особенности новоевропейского понимания границ характеризует, однако, не только внимание к бесконечным величинам математики, но и зарождающееся историческое сознание и сознание заданности всех разграничений. Упрощая, можно сказать, что границы с постсредневековой точки зрения – это приглашение к трансгрессии: к открытию и завоеванию нового, к апробации и усилению потенциала собственного превосходства, к расширению собственных возможностей действия. Новоевропейский человек перешагивает препятствующие ему границы как в пространственном, так и в интеллектуальном смысле. Очевидно, что подобные «*curiositas*» с христианской точки зрения содержат в себя нечто подозрительное, даже греховное. Но это уже долгое время не является действительным препятствием для территориальной и научной экспансии. Мотив прорыва к новым берегам, даже бесконечного движения становится основным топосом новоевропейского самопонимания.

Ганс Blumenberg говорит об определяющей Новое время «потере порядка» [„*Ordnungsschwund*“]³⁶, и эта потеря связана с модифицирующимся опытом границы. Передаваемая традицией идея космоса устаревает, а вместе с ней – представление об абсолютном пространстве и об абсолютном времени. Дело доходит до «феноменологизации пространства и времени»³⁷. Отношение познающего

человека к миру динамизируется; пространственно-временные деления становятся зависимыми от познающего субъекта. Этот субъект распоряжается единицами измерения и масштабами, осуществляет конституирующие мир разграничения.

Далее определяющим для Нового времени является убеждение в том, что мир больше и сложнее, чем его образ, полученный на основании природной человеческой способности восприятия. Если до этого универсум «представлялся ограниченным и закрытым внешней сферой зафиксированных звёзд» и число звёзд в нём было обозримым одним взглядом (а именно как ещё в античности нанесённое на карту и измеренное пространство)³⁸, то в век Коперника и Галилея прокладывает себе дорогу убеждение в том, что с помощью улучшенных оптических приборов можно видеть больше и иначе, нежели простым глазом. Природа освобождается от дефинитивного картографирования, поскольку трансформация измерительной деятельности затрагивает само измеряемое. Для более острого или поддерживаемого инструментом глаза границы вещей осуществляются внутри мира, равно как и границы мира, т.е. в целом иначе, нежели для невооружённого или вообще затуманенного взгляда. От точки зрения такой относительности зрительных полей и горизонтов – лишь один шаг до мысли о принципиально безграничной подвижности этих границ, о принципиальной расширяемости зрительного поля вплоть до необозримого.

Принципиально расширяемое однако уже не совпадает с фактически расширяемым. Так возникает комплементарное по отношению к мысли о постоянном научно-техническом расширении границ видимого подозрение в том, что существует невидимое для человека, то, что постоянно остаётся от него скрытым, – представление немислимое и скандальное с предшествующей Новому времени точки зрения. Потому что оно имплицитно содержит в себе идею, что мир здесь не для того, чтобы быть полностью воспринятым и понятым, что существует нечто, ускользающее от констатирующего и измеряющего границы понятия, что творение осуществлено не ради человека. Ужас, исходящий от представления о таких измерениях реальности, лежащих за пределами человеческой способности восприятия и познания, не меньше, чем *horror vacui*.

Коротко говоря: с одной стороны, воспринимающий субъект в Новое время перемещается в центр своего мира, границами которого являются границы его зрительного поля. С другой стороны, этот субъект понимает зависимость своего знания от этого поля – и тем самым ограниченность своего доступа к космосу.

³⁸ Hans Blumenberg, *Die Legitimität der Neuzeit*. Erweiterte Ausgabe, Frankfurt/M. 1996, С. 426.

³³ Cp. Wokart, С. 282.

³⁴ Cp. Glockner, С. 298.

³⁵ Cp. Wokart, С. 283.

³⁶ Hans Blumenberg, *Säkularisierung und Selbstbehauptung*, Frankfurt/M. 1974, S. 158ff. - Cp. также Waldenfels, *Der Stachel des Fremden*, С. 17.

³⁷ Blumenberg, *Säkularisierung* 173.

3. Мышление о границах: от докоперниканского к коперниканскому и деконструктивистскому философствованию.

Уже Платон описывает философствование как искусство различения, диарезис³⁹, и соединяет с размышлением о предметах своего философствования рефлексии над собственной деятельностью. При этом он рассматривает осуществляемые мышлением акты дифференциации как схватывание и изображение различий, имеющих своё основание в самих познаваемых вещах.

По поводу того, что познающей инстанции необходимо схватить то, что составляет сущность предметов её познания, в особенности в их отграниченности от других предметов, в раннем периоде эпохи Нового времени ещё существует консенсус между школами, при всех их прочих отличиях.

В модернизме – его начало совпадает с возникновением критической философии, т.е. с тем самым коперниканским переворотом, прокламируемым прежде всего «Критикой чистого разума» Канта – на место знания, понимающего себя как онтологически фундированное, приходит знание другого рода: знание, определённое модальностями и средствами, в которых оно облекается в форму и сообщается, знание, знающее о собственной обусловленности и определённости. То, что можно знать, определяется имманентными законами мышления и формами его выражения и трансляции, а не некоей предметной областью, мыслимой в качестве абсолютной и предданной. Тем самым существенно трансформируется философская семантика словарного поля границы (или границы и предела). Кант формулирует рабочую гипотезу, развиваемую впоследствии в его трансцендентальной философии: мысль о том, что предметы познания осуществляются в соответствии со структурами способности познания. Ничего сверх того, что схвачено в формах созерцания пространства и времени и обработано рассудочными категориями, человеческая способность познания транспортировать не может; сфера вещей в себе остаётся закрытой, подобно метафизически понятию бесконечному. Прежде всего это означает, что центральной темой критики разума становятся его собственные границы. Ганс Blumenberg в «Легитимности Нового времени» цитирует замечание Канта из «Метафизических начал естествознания» 1786 г.: разуму, «(...) когда его одолевает стремление к знанию, не остаётся ничего иного как ухватить абсолютное целое всех отношений... как вернуться от предметов к самому себе, чтобы, вместо последней границы вещей исследовать и определить последнюю границу своей собственной, предоставленной самой себе способности»⁴⁰.

³⁹ Ср. Glockner, С. 93f.

⁴⁰ Из заключительного пассажа «Метафизических начал естествознания», цит. по Blumenberg, Legitimität, С. 509.

В то время как Августин и христианско-теологическая традиция исходила из того, что человеческому знанию границы положены снаружи, Кант указывает стремлению к знанию на другую границу: всякое желание знать о мире завершается в критическом рассмотрении процесса познания как такового и его структурных особенностей⁴¹. Важнейшие границы, которыми должно заниматься мышление, – это его собственные границы.

Дифференцирование границ и пределов⁴² в перспективе кантовской философии помогает при отграничении математического и естественнонаучного значения от метафизики. У первых есть пределы, потому что они соотносены только с миром явлений. В область их компетенции не попадает то, что находится по ту сторону этого мира, и не существует общей границы. Метафизический дискурс, напротив, имеет дело с границами. По Канту функция трансцендентальной рефлексии заключается в том, чтобы «действительно указать нам не только границы чистого применения разума, но и способ определения этих границ»⁴³. Ибо разум видит себя принуждённым к гипотезе, с помощью которой он перешагивает чувственный мир, не имея возможности понятийно определить подразумеваемые гипотезой предметы; имеется в виду сфера вещей в себе, которая должна быть постулирована в качестве причин являющихся вещей, потому что чувственный мир не в состоянии существовать сам по себе. «Заполненное пространство» опыта граничит с «пустым пространством» вещей в себе; здесь пролегает граница, положенная разуму⁴⁴. Таким образом, необходимо познавать и маркировать границы: между территорией подтверждённого или подтверждаемого знания и территорией одних лишь иллюзий.

Гегель также посвятил понятию границ вводящие разъяснения. Речь о понятии границы идёт в контексте рефлексии над операциями рассудка,

⁴¹ Ср. Blumenberg, Legitimität, С. 509.

⁴² „Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука“, Riga 1783, в §§ 57-60 «Об определении границ чистого разума» говорится: «Границы (у протяженных объектов) всегда предполагают некоторое пространство, находящееся вне определенного места и заключающее его; пределы в этом не нуждаются, они только отрицания, которые порождают мысль о величине (eine Grosse affizieren), поскольку она не имеет абсолютной полноты. Но наш разум как бы видит вокруг себя пространство для познания вещей самих по себе, хотя он никогда не может иметь о них определенных понятий и не простирается дальше одних лишь явлений». (Kant, Prolegomena, § 57. 1783/1911, С. 352)

⁴³ Kant, Prolegomena, § 57. 1783/1911, С. 353

⁴⁴ Другими словами: Измеряемая средствами трансцендентальной философии на базе Кантовых предпосылок область – это не область мыслимого в качестве абсолютного предметного мира, но область способности познания как таковая.

особенно в «Науке логики»⁴⁵. В диалектике «граница» становится центральным концептом. Конечно определяется Гегелем как «нечто заданное своей имманентной границей как противоречие в себе, благодаря которому оно возвышается над собой и приводится в движение»⁴⁶.

Один из знаменитых пассажей Канта метафорически противопоставляет твёрдую почву чистого рассудка океану видимости и самообмана⁴⁷. Предпочтительнее двигаться вдоль берегов. Кант видит своей главной задачей критическое описание этого движения. Образ архипелага, вокруг которого свирепствует океан видимости, острова которого, будучи твёрдой почвой, оказывают сопротивление подвижному и бушующему, динамическому и лишённому почвы; и позволяют себя картографировать как зоны сопротивления. Этот образ трансформируется спустя 200 лет Михелем Серресом в образ путешествия на северо-запад

⁴⁵ Гегель делает здесь особое различие между качественными и количественными границами: «Отрицание в наличном бытии еще непосредственно тождественно с бытием, и это отрицание есть то, что мы называем границей. Лишь в своей границе и благодаря ей нечто есть то, что оно есть. Нельзя, следовательно, рассматривать границу как лишь внешнее наличному бытию; она, наоборот, проникает все наличное бытие. Понимание границы как лишь внешнего определения наличного бытия основано на смешении качественной границы с количественной. Здесь речь идет пока о качественной границе. Если мы, например, рассматриваем участок земли величиной в три моргена, то это его количественная граница. Но этот участок есть, кроме того, луг, а не лес или пруд, и это составляет его качественную границу» (Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. М., 1974. С.230–231)

⁴⁶ (Wiss d.Logik) siehe: http://www.hegel-system.de/de/1112223_grenze.htm

⁴⁷ «Мы теперь не только прошли всю область чистого рассудка и внимательно рассмотрели каждую часть ее, но также измерили ее и определили в ней место каждой вещи. Но эта область есть остров, самой природой заключенный в неизменные границы. Она есть царство истины (прелестное название), окруженное обширным и бушующим океаном, этим средоточием иллюзий, где туманы и льды, готовые вот-вот растаять, кажутся новыми странами и, постоянно обманывая пустыми надеждами мореплавателя, жаждущего открытий, втягивают его в авантюры, от которых он никогда уже не может отказаться, но которые он тем не менее никак не может довести до конца. Прежде чем отважиться пуститься в это море, чтобы исследовать его по всем широтам и узнать, можно ли найти что-нибудь в них, полезно еще раз взглянуть на карту страны, которую мы собираемся покинуть, и задать прежде всего вопрос, нельзя ли удовольствоваться тем, что в ней есть, или нельзя ли нам в силу необходимости удовольствоваться ею, если нигде, кроме нее, нет почвы, на которой мы могли бы обосноваться; и еще нам нужно узнать, по какому праву владеем мы этой землей и можем ли считать себя гарантированными от всяких враждебных притязаний». Immanuel Kant, Kritik der reinen Vernunft. Der Transcendentalen Doctrin der Urtheilskraft (Analytik der Grundsätze) Drittes Hauptstück, В 294-В 295. In: I. Kant: Gesammelte Schriften. Hg. v. d. Königl. Preussischen Akademie der Wissenschaft. Berlin 1910ff., Bd. III.

[Nordwestpassage]. Если Кант видел себя в роли картографа, наносящего из перспективы птичьего полёта на карту острова возможного знания, чтобы отграничить их от океана одной лишь видимости, то Серрес видит себя движущимся на корабле, без твёрдой почвы под ногами, в продолжающемся пути. Путешествие на северо-запад ведёт не просто сквозь бушующее море мимо разнообразных препятствий, требующих маневрирования. Эти препятствия – не настоящие острова, но дрейфующие льдины, так что не существует определённого отрезка или связующей границы между твёрдым и текучим. Два моря, связываемые путешествием на северо-запад, являются для Серреса метафорами научно-культурных традиций, сформированных науками о природе и науками о духе с их лишь поверхностно различающимися предметами⁴⁸.

Особую роль в философском дискурсе о границах играет разработанный Ж. Деррида концепт «différance». В этом слове, с одной стороны, обыгрываются общеупотребительные значения глагола „différer“ (отличать, снимать), с другой стороны, оно само отличает себя от известного слова „différence“ (отличие)⁴⁹. Деррида имеет в виду не статичные «дифференции», „Différance“ обозначает само движение дифференцирования в его продуктивности и безостановочности⁵⁰, начало различения и несхожести. «Différance» – чистый след. Предшествуя конкретным дифференциям, он характеризуется во времени модусом последовательности, в пространстве – модусом переноса.

«История разума раскрывается как своеобразная история границ», подводит итог Вальден-

⁴⁸ «В общем смысле мой тезис крайне прост и формулируется следующим образом. Наиболее занимательный феномен нового нового (sic) научного Духа – это отмена того деления, которое прежде превращало любую энциклопедию в набор клеток. Дорогами, проложенными вслепую, науки достигли того состояния, которое Лейбниц описал так: Они фактически образуют «взаимосвязанное тело, подобное океану», которое может быть произвольно разделено на Эфиопское, Каледонское море и т.д. Этот континуум – место движений и обменных процессов: в нём повсюду циркулируют методы, модели, результаты, экспортируются и импортируются откуда угодно и куда угодно по путям, иногда подчинённым упорядоченным траекториям, а иногда полностью произвольным, по путям в море – путь в море. Новый научный Дух сконцентрировался на философии Нет; новый новый (sic) научный Дух развивается к философии философии переноса [zu einer Philosophie des Transports]: расщепление, интервенция, отбор» (Serres, Interferenz, S. 8, Einleitung/. Im Orig.: Michel Serres, Hermès II – L'interférence, Paris 1972)

⁴⁹ Имя, данное Дерридой принципу различения, само авторефлексивным образом различается с орфографической нормой. Заметным это различие становится лишь на письме, при голосовой артикуляции на французском языке отклонения от известного „différence“ не заметны.

⁵⁰ Речь идёт, таким образом, не об уже осуществлённом различении, но о чистом движении, которое впервые это различение производит. (Grammatologie, 109)

фельс⁵¹. Контингентность разграничения отражает как отсутствие оснований операций этого разума, так и эффективность картины мира, которую далее невозможно обосновать как таковую⁵².

4. Ограничение как культурная деятельность и отграничение чужого

Маркирование территорий есть акт обеспечения собственности, если вообще не акт узурпации. Физическое овладение и символическое маркирование – две стороны одной медали. Это иллюстрируется, например, цитируемым Штефеном Гринблаттом декретом испанского короля от 1514 г., описывающим захват чужих территорий:

«Порядок, которому вы должны следовать при вступлении во владение землями и их частями, открытых вами, таков: Когда вы в стране, открытой вами, проведите процедуру вступления во владение от нашего имени перед общественным нотариусом и как можно большим количеством наиболее именитых свидетелей: повалите деревья с сучьями или выкопайте ров и, если позволяют условия, возведите небольшое здание, стоящее в месте, где находится приметная возвышенность или большое дерево; и вы должны сказать, сколько миль от него до моря, немного больше или меньше, и в какой местности, и какие знаки для него есть; и там вы должны поставить виселицу (...)»⁵³

Перформативной силой обладают не только границы, маркированные виселицами; организующая сила дефиниций познаётся на всех территориях, в т.ч. и символических. Разграничения являются выражением власти; это подчеркнул Бернард Вальденфельс, рассматривая обращения с опытом чуждости. Между собственным и культурно чуждым пролегают границы: такие, которые в принципе можно перешагнуть. В общем же, согласно наблюдениям Вальденфельса, обращение с чуждым подчинено исторически значимым трансформациям⁵⁴.

В то время как в античности не был выражен интерес к чужому в его чуждости, чуждое ста-

новилося ощущаемой угрозой, в Новое время под знаком потери порядка распространяется сознание контингентности всех порядков и произвольности всех границ. Знание о нестабильности разграничений пробуждает потребность в их распространении и укреплении, что прежде всего означает потребность в отграничении дикого, варварского, чуждого, другого.

Переходя теперь к культурным, социальным или символическим границам: говорить о границах – значит говорить о процессах картографирования, различения и подчинения, установления *genega proxima* и специфических дифференций, и тем самым не в последнюю очередь – о конституировании сред, «жизненных миров». Внутри их границ традиционно располагаются своё и привычное, снаружи, напротив, – непривычное, воспринимаемое как чуждое и маркируемое соответствующим образом.

Георг Зиммель отмечает по поводу понятия «граница»: «Если это общее понятие взаимного ограничения исходит от пространственной границы, то последняя есть всё же только кристаллизация или опространствливание душевных процессов ограничения, которые одни являются действительными процессами. Не страны, не участки земли, не районы города и не районы страны ограничивают друг друга; но жители или собственники воздействуют друг на друга (...) Границы является не пространственным фактом, оказывающим социологическое воздействие, но социологическим фактом, оформляющим себя в пространстве»⁵⁵.

Гернот Бёме обозначил проблему чуждости как «последнюю из наибольших проблем ориентации», «в которой мы в настоящее время находимся». Он цитирует Зиммеля, чтобы подчеркнуть, что отграничение является решающим для самопонимания, идёт ли речь о культурных, гендерных или национальных аспектах.

«Но что, если это другое рискованно приблизится к кому-то и нужно будет распознать в нём собственное, лишь вытесненное другое? (...) Другое в принципе изображает угрозу собственному самопониманию. Обычные стратегии, позволяющие держать это на расстоянии, представляют собой учреждение иерархии, пространственной дистанции, мер предосторожности, в любом случае удерживающих чужих в меньшинстве. (...) Иерархические порядки, в соответствии с которыми чуждое как меньшинство постоянно удерживалось на дистанции, обесценены или вообще не сняты процессами эмансипации. А благодаря мощным переселенческим потокам, вызванным зачастую политическими причинами, чужие сегодня повсюду, они относятся к любой социаль-

⁵¹ Waldenfels, *Der Stachel des Fremden*, С. 36.

⁵² „(...) Границы, которые не просто находятся или устанавливаются, но конкретным образом проводятся, относятся к созданию порядков; сами они не могут быть без остатка упорядочены и подчинены идентифицирующей понятийности. Вместо этого они указывают на пограничные образы и пограничные видения, вблизи которых сдвигаются границы, а действительность и вымысел переходят друг в друга. Далее они указывают на символы границы, обозначающие и устанавливающие пограничные порядки. (Waldenfels, *Der Stachel des Fremden*, С. 36)

⁵³ Stephen Greenblatt, *Wunderbare Besitztümer. Die Erfindung des Fremden: Reisende und Entdecker*. Dt. v. R Cackett. Berlin 1994.

⁵⁴ Bernhard Waldenfels: *Topographie des Fremden. Studien zur Phänomenologie des Fremden I*. Frankfurt./M. 1997, С. 11, 22f.

⁵⁵ Georg Simmel: *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung* (1908), 6. Aufl. Berlin 1983. С. 467.

ной ситуации. (...) Чуждое рискованно приблизилось к нам, гендерно чуждое, государственно чуждое, этнически чуждое, культурно чуждое, религиозно чуждое»⁵⁶.

Заключение

Если под знаком постоянных изменений территорий власти чуждое изначально мыслилось как нечто, что в принципе позволяет себя упорядочить или исключить, то с начала 18-го в. всё настойчивей ставится вопрос, можно ли вообще установить ясные взаимоотношения, создают ли границы порядок. Чуждое поселяется в своём или обнаруживает себя там в качестве местного жителя. Внешние разграничения более не помогают; то, чем нельзя распоряжаться, нельзя более отграничить.

Границы как предмет исторического исследования вплоть до настоящего дня не получили достаточного освещения, полагает Ганс Медик в своей работе, вышедшей в 1995 г.⁵⁷; при этом «историческое рассмотрение, которое было бы направлено от периферии и границ социальных, культурных и политических образований и процессов на сами эти образования и процессы, могло бы (...) быть более содержательным, нежели рассмотрение, перспектива которого зафиксирована в центре»⁵⁸.

Подобно тому, как глобализация в областях политики, экономики и культуры находит свою пару в тенденциях регионализации, всеобщей потребности в концентрации (капитала, интеллигенции, структур коммуникации) соответствует актуальный интерес к периферии. Именно это могло бы быть поводом вспомнить старое буквальное значение «границы» как пограничного пространства (а не как разделяющей линии).

References

- Grimm / Grimm: 1854ff., Art. „grenze“, Sp. 132, Sp. 138.
- Waldenfels, B. (1991), *Der Stachel des Fremden*, 2, Aufl, Frankf./M.
- Medick, H. (1995), Grenzziehungen und die Herstellung des politisch-sozialen Raumes. Zur Begriffsgeschichte der Grenzen in der Frühen Neuzeit. In: Richard Faber, Barbara Naumann (Hg.), *Literatur der Grenze - Theorie der Grenze. Würzburg (K&N)*. pp. 211–224.
- Grimm, J. und W. (1935), *Deutsches Wörterbuch*, 1854ff. IV. Bd., 1. Abt, 6. Teil, Art. „grenze“, bearb. v. A. Hübner und H. Neumann.
- Zill, R. *Der Vertrag des Zeichners. Wittgensteins Denken im Kontext der Metapherntheorie*, [Online], available at: http://www.momo-berlin.de/Zill_Wittgenstein.html, (Accessed 16.06.05).
- Grimm/Grimm 1854ff.: VI. Bd., Art. „mark“, bearb. v. Moritz Heyne. 1885. Sp. 1633ff.
- Wittgenstein, L. (1963), *Tractatus logico-philosophicus*, Logisch-philosophische Abhandlung. Frankf./M.
- Febvre, L. (1988), „Frontière“ – Wort und Bedeutung (1928), In: *Lucien Febvre: Das Gewissen des Historikers*. Berlin, S. 27–38.
- Wokart, N. (1995), Differenzierungen des Begriffs der „Grenze“. Zur Vielfalt eines scheinbar einfachen Begriffs. In: Richard Faber, Barbara Naumann (Hg.): *Literatur der Grenze - Theorie der Grenze. Würzburg (K&N)*, pp. 275–289.
- Rosenzweig, F. (1935), *Brief an Eugen Rodenstock*, 18. 10. 1917, in: Franz Rosenzweig: *Briefe*, hg. v. Edith Rosenzweig. Berlin.
- Glockner, H. (1968), *Die europäische Philosophie von den Anfängen bis zur Gegenwart*, Stuttgart, 3. Aufl, (zuerst 1958).
- Diels, H., Kranz, W. (1964), *Die Fragmente der Vorsokratiker*, 1, Bd, Zürich/Berlin.
- Historisches Wörterbuch der Philosophie* (1974), hg. v. Joachim Ritter. Bd. 3, Basel u. Darmstadt, pp. 873–877.
- Aristoteles, *Metaphysik*. V, 1022 a.
- Das Historische Wörterbuch der Philosophie, Bd. 3, Basel/Stuttgart 1974, Sp. 873-875 und 875-877
- Blumenberg Hans, *Säkularisierung und Selbstbehauptung*, Frankf./M. 1974, S. 158ff.
- Blumenberg, H. (1996), *Die Legitimität der Neuzeit. Erweiterte Ausgabe*, Frankf./M.
- Kant (1783/1911), *Prolegomena*, § 57.
- Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. Москва, 1974. С. 230–231. (Wiss d.Logik) siehe: http://www.hegel-system.de/de/1112223_grenze.htm
- Kant Immanuel, *Kritik der reinen Vernunft. Der Transcendentalen Doctrin der Urtheilskraft (Analytik der Grundsätze) Drittes Hauptstück*, B 294-B 295. In: I. Kant: *Gesammelte Schriften*. Hg. v. d. Königl. Preußischen Akademie der Wissenschaft. Berlin 1910ff., Bd. III.
- Serres, Interferenz, S. 8, Einleitung/. Im Orig.: Michel Serres, *Hermès II – L'interference*, Paris 1972 (Grammatologie, 109)
- Greenblatt Stephen, *Wunderbare Besitztümer. Die Erfindung des Fremden: Reisende und Entdecker*. Dt. v. R Cackett. Berlin 1994.
- Waldenfels, B. (1997), *Topographie des Fremden. Studien zur Phänomenologie des Fremden I*, Frankf./M.

⁵⁶ Gernot Böhme: Einführung in die Philosophie. Weltweisheit, Lebensform, Wissenschaft. Frankf./M. 1998. С. 101/102.

⁵⁷ In: Richard Faber, Barbara Naumann (Hg.): *Literatur der Grenze - Theorie der Grenze. Würzburg (K&N)* 1995. Hier: Hans Medick: Grenzziehungen und die Herstellung des politisch-sozialen Raumes. Zur Begriffsgeschichte der Grenzen in der Frühen Neuzeit. С. 211-224.

⁵⁸ Medick, С. 212.

Simmel, G. (1983), *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung (1908)*, 6. Aufl. Berlin.

Böhme, G. (1998), *Einführung in die Philosophie. Weltweisheit, Lebensform*, Wissenschaft. Frankf./M.

Faber, R., Naumann, B. (Hg.) (1995), *Literatur der Grenze – Theorie der Grenze*. Würzburg (K&N). Hier:

Hans Medick: Grenzziehungen und die Herstellung des politisch-sozialen Raumes. Zur Begriffsgeschichte der Grenzen in der Frühen Neuzeit. С. 211-224.

Submitted: 01.02.2023

Accepted: 20.03.2023